

DOI 10.15826/izv2.2022.24.4.076
УДК 821.161.1-3 Лермонтов + 808.1 +
+ 028.4 + 008:001.8

С. Н. Пяткин
И. В. Кудряшов
*Арзамасский филиал
Нижегородского государственного
университета*
Арзамас, Россия

О «СЛАСТЯХ» И «ГОРЬКИХ ЛЕКАРСТВАХ» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА: ОПЫТ «МЕЖДУСТРОЧНОГО» ЧТЕНИЯ ПРЕДИСЛОВИЯ К РОМАНУ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Статья посвящена анализу Предисловия к роману «Герой нашего времени», написанного М. Ю. Лермонтовым ко второму изданию книги весной 1841 г., которое еще не становилось предметом специального изучения. Логика предлагаемого исследования опирается на одно из положений критической работы В. Г. Белинского о лермонтовском романе, постулирующее принципы «междустрочного» чтения Предисловия, что единственно, по мнению критика, может способствовать верному пониманию авторского замысла этого текста. В статье уделяется особое внимание образно-символическому строю заключительного абзаца Предисловия, потенциально содержащему отсылки к текстам Священного Писания. Приводятся доводы о сознательной ориентации лермонтовской мысли на библейские источники, что вызвано реакцией автора на первые критические отклики о романе, где важная роль принадлежит рецензии С. О. Бурачка, а также глубоким творческим осмыслением «религиозных споров» с В. Ф. Одоевским, которые приходится на время работы Лермонтова над Предисловием ко второму изданию книги. Отмечается концептуальный характер высказывания «Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины» в диалогическом дискурсе авторского Предисловия. Эта фраза, актуализирующая разнокачественное восприятие читателем литературного сочинения и реализующая семантику уподобления книги съестному продукту, является очевидной реминисценцией из 10 главы «Откровения Иоанна Богослова». Опорный для настоящего исследования феноменологический подход в рамках герменевтического и биографического методов позволил установить, что назначение лермонтовской книги как «горького лекарства», восходящее к символике горечи в апостольском «Откровении», непосредственно связано с авторской интенцией, побуждающей читателя к осознанию иллюзорной «сладости» своего нравственного превосходства над героем, восприятию ценностных смыслов романного времени как единого духовного начала, в котором существует и мир героя, и мир читателя. В заключении указывается на метатекстовое единство Предисловия к «Герою нашего времени» и стихотворения «Пророк», одним из маркеров которого выступают реминисценции из «Откровения Иоанна Богослова», что позволяет говорить, обозначая перспективы настоящего исследования, о книге поэта как о романе-пророчестве.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Лермонтов; «Герой нашего времени»; Предисловие; роман; автор; читатель; библейские реминисценции; Печорин; рецепция

Цитирование: Пяткин С. Н., Кудряшов И. В. О «сладких» и «горьких лекарствах» М. Ю. Лермонтова: опыт «междустрочного» чтения Предисловия к роману «Герой нашего времени» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 4. С. 249–266. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.4.076>

Поступила в редакцию: 10.07.2022

Принята к печати: 21.10.2022

Sergei N. Pyatkin

Igor V. Kudryashov

State University of Nizhny Novgorod (Arzamas Branch)
Arzamas, Russia

ON M. YU. LERMONTOV'S "SWEETS" AND "BITTER MEDICINES": AN ATTEMPT AT "INTERLINEAR" READING OF THE PREFACE OF *A HERO OF OUR TIME*

This article analyses the *Preface* for the second edition of *A Hero of Our Time* by M. Yu. Lermontov written in the spring of 1841, which has not yet become the subject of a special study. The logic of the study is based on one of the provisions of V. G. Belinsky's critical work on Lermontov's novel postulating the principles of "interlinear" reading of the *Preface*, which, according to the critic, can only contribute to the correct understanding of the author's intention of this text. The article pays special attention to the figurative and symbolic structure of the final paragraph of the *Preface*, potentially containing references to the texts of the Holy Scripture. The authors provide arguments about the conscious orientation of Lermontov's thought to biblical sources, which is caused by the writer's reaction to the first critical responses about the novel, where an important role belongs to the review of S. O. Burachok, as well as a deep creative understanding of "religious disputes" with V. F. Odoevsky, which took place at the time of Lermontov's work on the *Preface* to the second edition of the book. The conceptual nature of the statement "people have been fed enough with sweets; their stomachs have deteriorated because of this: bitter medicines, caustic truths are needed" is notable in the dialogic discourse of the author's *Preface*. This phrase actualises the reader's different-quality perception of a literary work and implements the semantics of likening a book to an edible thing and is an obvious reminiscence from chapter 10 of *The Revelation of Saint John the Theologian*. The phenomenological approach based on this study within the framework of hermeneutic and biographical methods makes it possible to establish that the purpose of Lermontov's book as a "bitter medicine", which goes back to the symbolism of bitterness in the Apostolic *Revelation*, is directly related to the author's intention. It prompts the reader to realise the illusory "sweetness" of his moral superiority over the hero, the perception of the value meanings of the novel as a single spiritual principle, in which both the world of the hero and the world of the reader exist. In conclusion, the article points to the metatextual unity of the *Preface* of *A Hero of Our Time* and the poem *Prophet*, whose marker is reminiscences from the *Revelation of Saint John the Theologian*, which makes it possible to speak about the poet's book as a prophetic novel.

К е у о р д с: Lermontov; *A Hero of Our Time*; preface; novel; author; reader; biblical reminiscences; Pechorin; reception

F o r c i t a t i o n: Pyatkin, S. N., & Kudryashov, I. V. (2022). O "slastiakh" i "gor'kikh lekarstvakh" M. Yu. Lermontova: opyt "mezhdustrochnogo" chteniia Predisloviia k romanu "Geroi nashego vremeni" [On M. Yu. Lermontov's "Sweets" and "Bitter Medicines": An Attempt at "Interlinear" Reading of the Preface of *A Hero of Our Time*]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(4), 249–266. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.4.076>

Submitted: 10.07.2022

Accepted: 21.10.2022

За всю многолетнюю историю изучения «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова Предисловие к роману еще не становилось предметом специального изучения. При этом исследовательские прочтения отдельных частей произведения, образующих нарративную структуру романа (в том числе и «Предисловия к "Журналу Печорина"»), обладают солидным научным багажом и в настоящее время приобретают характер ярко выраженной тенденции в лермонтоведении. Различия в концептуальных подходах ученых к изучению отдельных повестей, базирующихся, как правило, на выявлении и анализе тех или иных художественных «кодов» текста (религиозно-мифологического, фольклорного, историко-литературного, биографического, экзистенциального, семиотического), обуславливают появление широкого диапазона интерпретаций, которые вполне самостоятельны и, вместе с тем, потенциально могут стать основой для новаторского прочтения лермонтовского романа как целостного произведения [см., например: Большухин, Александрова; Влащенко; Галиева; Заславский; Кривонос; Савинков, Соколова; и др.].

В данном отношении опыт изучения Предисловия к роману, сформированный по преимуществу фундаментальными трудами о «Герое нашего времени», что обрели репутацию «научной классики» в отечественном лермонтоведении, отличается неоправданной консервативностью главным образом из-за того, что он представляет собой за редким исключением строгий историко-литературный комментарий, по сути своей не располагающий к концептуальным деривациям. В этих исследованиях, в частности, указывается, что Предисловие, опубликованное во втором издании романа, — это ответ Лермонтова «на критические статьи, появившиеся по поводу первого издания его книги во второй половине 1840 и в начале 1841 года» [Мануйлов, с. 57], которые диктовали необходимость постулирования авторской установки на понимание своего героя¹.

¹ Ср.: «Предисловие вызвано житейскими и журнальными толками, порожденными "Героем нашего времени"» (первым изданием романа. — С. П., И. К.) [Дурылин, с. 29]; «... особое предисловие автора — ответ Лермонтова на критические статьи, в которых Печорин рассматривался как явление порочное, навеянное влиянием Запада, не свойственное русской жизни» [Эйхенбаум, 1962, с. 100]; «Лермонтов несколько нарочито односторонне определил Печорина как "портрет, составленный из пороков всего нашего поколения",

Исследователями особо отмечается то, что черновой автограф Предисловия, имеющий более 40 правок и свидетельствующий о напряженной, кропотливой работе писателя над этим текстом весной 1841 г., помогает однозначно определить круг критических статей о романе, с авторами которых Лермонтов вступает в полемику [см.: Дурылин, с. 29–34; Эйхенбаум, 1962, с. 160–162; Мануйлов, с. 56–60; Григорьян, с. 18–24; и др.]. Подчеркнем, что все авторитетные лермонтоведы единодушны в мысли, которая наиболее четко, полно и лаконично была сформулирована Б. Эйхенбаумом «в соавторстве» с русскими критиками XIX в. и стала своего рода «напутствием» будущим исследователям «Героя нашего времени»: «Чтобы понять предисловие к роману (Ап. Григорьев называл его “удивительным”), надо было, по словам Белинского, читать “между строками”; это, в сущности, относится и ко всему роману» [Эйхенбаум, 1962, с. 160].

Попытки подобного «чтения» Предисловия к «Герою нашего времени» в новейших научных практиках единичны и в основном связаны с определением его роли в системе нарративных стратегий романного повествования. В этом исследовательском ракурсе Предисловие предстает по существу дела в качестве исходной точки речевой структуры текста всего произведения, конституирующей диалогические интенции авторского сознания, что обуславливает существование в романе взаимодействующих друг с другом разных точек зрения, не предполагающих общего знаменателя [Захаров, с. 27–28]; способствует различению «двух возможностей приведения в соответствие принципа изображения и принципа восприятия» [Кроо, с. 106]; задает перспективу «изображения жизни человека в гранях индивидуального и всеобщего бытия» [Москвин, с. 175]. В высшей степени примечательно, что авторы этих работ в своих аналитических суждениях опираются на содержание заключительного абзаца Предисловия, который, напомним, выглядит следующим образом:

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте однако после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает, и, к его и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж бог знает! [Лермонтов, т. 6, с. 203].

Приведенный фрагмент лермонтовского текста, фокусируя в себе проблему «нравственной цели в литературе» [Герштейн, с. 27], что проецируется на духовный мир романа, служит квинтэссенцией авторской мысли в Предисловии, «междустрочное» чтение которого и предлагается в настоящем исследовании.

адресуя эту оценку любителям “нравоучения”, имеющим “несчастную доверчивость <...> к буквальному значению слов”» [Удодов, с. 138].

* * *

Эмоционально-образным сосредоточием в смысловой структуре процитированного выше текста является, по удачному определению Каталин Кроо, «“врачебный” метафорический круг», который в научных построениях венгерской славистки мыслится как «семантизация модели чтения через медицинскую лексику» [Кроо, с. 106].

Проясняя истоки этих «врачебных» метафор, Б. Эйхенбаум указывал на их сходство с риторическими формулами, открывающими роман А. де Мюссе «Исповедь сына века», что вкуче с ранней версией заглавия «Героя нашего времени» допускает, по мнению отечественного исследователя, наличие «скрытой полемики» лермонтовской книги с произведением французского автора [Эйхенбаум, 1962, с. 132–133].

Не лишено оснований и предположение Н. Бронштейн, высказанное ею в статье «Доктор Майер», о том, что «Лермонтов, составляя в 1841 г. предисловие ко второму изданию своего романа и обдумывая, как привлечь внимание читателей к порокам и болезням современного поколения, вспомнил и использовал медицинскую терминологию своего кавказского приятеля (т. е. доктора Николая Васильевича Майера. — С. П., И. К.)» [Бронштейн, с. 492].

В этой перспективе вполне органичной выглядит и гипотеза, предполагающая диалогическую связь финальной части лермонтовского Предисловия к роману с библейскими текстами. Врачи, описание болезней и способы их излечения упоминаются множество раз в книгах Священного Писания, где весьма несложно обнаружить вроде бы очевидные их переклички с содержанием интересующего нас фрагмента Предисловия на уровне лексико-фразеологических единиц, воспринимающихся одновременно и в прямом, и в переносном значениях. Например, в «Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова» содержится наставление, предостерегающее от чрезмерного увлечения «сластью», которое становится причиной различных заболеваний, грозящих человеку гибелью: «Сын мой! в продолжение жизни испытывай твою душу и наблюдай, что для нее вредно, и не давай ей того; ибо не всё полезно для всех, и не всякая душа ко всему расположена. Не пресыщайся всякою сластью и не бросайся на разные снеди, ибо от многоядения бывает болезнь, и пресыщение доводит до холеры; от пресыщения многие умерли, а воздержный прибавит себе жизни» (Сир., гл. 37:30–34).

Причинно-следственная связь между непомерным употреблением человеком «сластей» и его болезнью отчетливо просматривается у Лермонтова: «Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок...».

Вполне можно допустить, что противопоставление «сластей» и «горьких лекарств, едких истин» в Предисловии к роману корреспондируется с концептуальной оппозицией «губительность / спасительность», имеющей библейские истоки. Следовательно, категорическую убежденность писателя, что горькая правда (семантический эквивалент «горьких лекарств» и «едких истин») в литературе способна исцелить загубленное сладкой ложью искусства нравственное

сознание современного поколения, необходимо воспринимать в контексте библейских заветов. Так, во «Втором послании к Тимофею» апостола Павла содержится категорическое предостережение об опасности сладостной слуху лжи: «Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням. Но ты будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое» (2 Тим., гл. 4:3–5). Последнее наставление в цитируемых евангельских строках, кажется, в полной мере согласуется с высказанным Лермонтовым решительным нежеланием «сделаться исправителем людских пороков» (ср.: «будь бдителен во всём»), с настроением собственной веселости при описании «современного человека» (ср.: «переноси скорби»), со стремлением «указать» на болезнь, а не на средства ее излечения (ср.: «совершай дело благовестника, исполняй служение твое»). В связи с этим видится вполне закономерным, что в итоге у автора светской книги возникает упование на Бога как исключительного целителя человеческой природы: именно в такой ипостаси Он многократно предстает на страницах Священного Писания, причем Его врачевательная миссия зачастую реализуется посредством слова: «Не трава и не пластырь врачевали их, но Твое, Господи, всеисцеляющее слово» (Прем., гл. 16:12); «Но воззвали к Господу в скорби своей, и Он спас их от бедствий их; послал слово Свое и исцелил их, и избавил их от могил их» (Пс. 106:20).

Из вышеизложенного следует, что и изображение болезни «современного человека», и исцеление от нее заключено в слове, потенци и функциональная роль которого строго дифференцированы у Лермонтова в зависимости от антропоцентрической или теоцентрической сущности творящего слова.

Отметим, что предлагаемый нами подход к изучению авторского Предисловия к «Герою нашего времени» полностью соответствует твердо сформулированному тезису в «Лермонтовской энциклопедии» относительно религиозных источников в творчестве поэта: «Тексты Лермонтова обнаруживают следы внимательного чтения библейских книг обоих заветов» [Лермонтовская энциклопедия, с. 59]. К тому же в лермонтоведении последних трех десятилетий состоялось немало публикаций различных жанров, актуализирующих проблему религиозного сознания автора «Героя нашего времени», в которых эксплицированы и тщательно проанализированы «следы» подобного рода [см.: Москвин; Нестор (Кумыш); Сиротин; Киселева; Виноградова; и др.].

Для подтверждения нашей гипотезы, безусловно, требуются более убедительные доводы, свидетельствующие о сознательной ориентации лермонтовской мысли в Предисловии к роману на библейские тексты и с большой долей вероятности исключают их случайные совпадения. Поэтому представляется важным сначала обратиться к некоторым аспектам, связанным с историей создания Предисловия.

Общеизвестно, что первой рецензией на роман М. Ю. Лермонтова, опубликованной в периодической печати, стала статья Степана Онисимовича Бурачка

(1800—1876), журналиста, критика, писателя и издателя (совместно с П. А. Корсаковым) журнала «Маяк современного просвещения и образованности». Эта рецензия («Герой нашего времени» М. Лермонтова. (Разговор в гостиной)») явилась частью авторского критического обозрения, размещенного анонимно в названном издании под единым заголовком «Книги литературные». Непосредственно разбору романа у Бурачка предшествует обобщенная характеристика творчества Лермонтова, где автор «Героя нашего времени» предстает олицетворением «прискорбного упадка» отечественной словесности, вина за который возлагается и на определенных литературных деятелей — от Жуковского до Сенковского, и на «всё читающее общество поголовно» [Бурачок, с. 973]. Далее Бурачок категорично заявляет, что «цель всяких изящных произведений есть служение Богу в лице человечества», и с опорой на этот тезис рассуждает о кризисном состоянии русской литературы, преодоление которого ему видится только «в безоговорочном подчинении “художественности” требованиям христианской морали» [Там же, с. 973—975]. Данное суждение определяет эстетическое кредо и репутацию критика. В общем и целом, рецензия Бурачка на лермонтовский роман — это менторское, саркастически-уничижительное указание на несоблюдение таких «требований» автором «Героя нашего времени», что обусловило явное доминирование в содержании критического текста жанровых модусов сатиры и церковной проповеди. В этом ракурсе примечательна первая авторская редакция Предисловия, где статья Бурачка выступает, по существу, единственной критической репликой о романе, выдержанной в духе тотального неприятия и самой идеи лермонтовской книги, и ее художественного решения, во многом уязвляющей творческое самолюбие писателя:

Мы жалуемся только на недоразумение публики, не на журналы; они почти все были более чем благосклонны к этой книге, все кроме одного, который как бы нарочно в своей критике смешивал имя сочинителя с героем его повести, вероятно надеясь на то, что его читать никто не будет; но хотя ничтожность этого журнала и служит ему достаточной защитой, однако всё-таки прочитав грубую и неприличную брань — на душе остается неприятное чувство, как после встречи с пьяным на улице; итак если уже нужно у нас для всякой басни нравоучение, то пускай те, которые хотят его узнать, прочтут следующее [Лермонтов, т. 6, с. 563].

Окончательная редакция текста Предисловия этих слов не содержит, вероятнее всего по той причине, что Лермонтов прекрасно осознавал, как создаваемое им Предисловие, обращенное к читателю (и в то же время, как бы это ни парадоксально звучало, к своему герою), становится адресным полемическим выпадом в сторону конкретного критика книги. Однако этот посыл, что логично предположить, сохраняется в финальном фрагменте Предисловия, черновой вариант которого практически ничем не отличается от итоговой редакции. В то же время не исключено, что библейские коннотации «“врачебного” метафорического круга» возникают за счет имплицитной апелляции предуведомительного романного нарратива к религиозному

дискурсу рецензии Бурачка, становясь символическим ключом к постижению авторского замысла книги.

В свете нашей гипотезы весьма важен и еще один факт. В начале февраля 1841 г. Лермонтов, получив двухмесячный отпуск, приезжает с Кавказа в Петербург. Время, проведенное поэтом в северной столице, отмечено высокой интенсивностью его творческих контактов, среди которых особняком стоят встречи Лермонтова с князем В. Ф. Одоевским, известным писателем и мыслителем. Знаковый характер этих встреч впоследствии закрепится в ставшем устойчивым для лермонтоведения именовании — «р е л и г и о з н ы е с п о р ы». Современная наука о поэте располагает целым рядом приметных публикаций, где делаются попытки раскрыть истоки данной богословской дискуссии, акцентировать опорные точки в позициях оппонентов и проанализировать возможные пути творческого преломления такого диалога в художественном сознании Лермонтова (см.: [Рассказова] и достаточно обширную библиографию к этой работе).

В качестве одного из главных документальных свидетельств «религиозных споров» исследователи, как правило, называют выписки из Священного Писания, сделанные рукой Одоевского в записной книжке, которую князь передал Лермонтову перед отъездом поэта из Петербурга на Кавказ в апреле 1841 г. Эти выписки — девять цитат из книг Нового Завета, — по всей видимости, служат не столько напоминанием о той дискуссии на духовные темы, сколько являются стройной системой сотериологических контраргументов Одоевского по отношению к богословской позиции Лермонтова, которая, в чем мы не сомневаемся, также утверждалась посредством обращения к библейским текстам. В противном случае утратилась бы сама суть «религиозных споров» как полемики равных и сведущих в теологических вопросах оппонентов. И здесь для нас ценно не возможное содержание богословских суждений Лермонтова (даже в самых их общих границах), а существование «религиозных споров» как реального и длительного события в творческом мире автора «Героя нашего времени» в период работы над текстом Предисловия ко второму изданию романа, где эти споры, актуализирующие смысловое пространство библейских изречений, не могли не сказаться на образно-символическом строе художественной мысли писателя. При этом сожаление Лермонтова, адресованное «доверчивым читателям» и «журналам», по поводу их скороспелых и поверхностных интерпретаций и оценок романа, основывавшихся исключительно на «буквальном значении слов», несомненно распространяется и на специфику восприятия Предисловия, где также было бы ошибочно доверяться прямым словесным значениям.

* * *

В риторическом высказывании, заключающем текст Предисловия, противопоставляются два рода книг, по-разному воздействующих на читателя и манифестированных посредством актуализации метафорических значений их антитетичных вкусовых рецепций (сладкий / горький). При этом авторская

позиция, маркированная лексемами «довольно» и «нужно», исподволь закрепляет в сознании потенциального читателя романа одномоментное присутствие полярных рецептивных стратегий, уподобляющих книгу съедобному продукту с заданной вкусовой последовательностью — от «сладкого» к «горькому». Яркий лермонтовский образ книжного (запечатленного на бумаге) слова как еды для читателя дает основание для предметного разговора о реминисцентной природе финальной мысли Предисловия к роману, восходящей к вполне определенным текстам Священного Писания.

В Библии дважды описываются таинственные сцены поедания книги, что выступает символом материализованного в письме слова. Ветхозаветному Иезекиилю Господь дает исписанный «внутри и снаружи» «книжный свиток», на котором начертано «плач, и стон, и горе», и повелевает своему проповеднику съесть манускрипт: «Тогда я открыл уста мои, и Он дал мне съесть этот свиток; и сказал мне: сын человеческий! напитай чрево твое и наполни внутренность твою этим свитком, который Я даю тебе; и я съел. И было в устах моих сладко, как мед» (Иез. 2:10; 3:2–3).

Схожая сцена содержится и в новозаветном тексте «Откровения Иоанна Богослова» («Апокалипсис»), где апостол, внимая небесному голосу, берет из рук Ангела «раскрытую книгу», чтобы исполнить его волю: «возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка, как мед. И взял я книжку из руки Ангела, и съел ее; и она в устах моих была сладка, как мед; когда же съел ее, то горько стало во чреве моем» (Откр. 10:9–10).

В приведенных фрагментах акт поедания свитка (книги) является обрядом инициации, призыванием Богом сына человеческого к пророческому служению, что в самом широком плане олицетворяет собой идею о слове Божьем как духовной пище человека, образующую один из важнейших лейтмотивов в святоотеческой литературе². Несколько абстрагируясь от этой идеи, укажем на то, что фабульный событийно-символический ряд новозаветного отрывка, в отличие от ветхозаветного, фактически полностью совпадает с логикой образного выражения мысли у Лермонтова: уподобление книги (а не свитка!) съестному продукту, употребление которого человеком дает ему сначала ощущение сладости, а затем горечи. К тому же и сама эта сцена в «Откровении», помимо названной нами идеи, формирует и другой смысл, более актуальный для ее понимания, в границах которого, на наш взгляд, и образуется диалог лермонтовского текста с текстом Священного Писания. В библейских герменевтических практиках «Апокалипсиса» истолкование эпизода с поеданием книги носит дедуктивный

² Святитель Иоанн Златоуст писал, что «телесная пища для поддержания наших сил, то же и чтение Писания для души. Оно есть духовная пища, которая укрепляет ум и делает душу сильной, твердой и мудрой, не позволяя ей увлекаться неразумными страстями, напротив, еще облегчая полет ее и возносит ее, так сказать, на самое небо» (Беседа 29-я на кн. Бытие) [Иоанн Златоуст, с. 31]. О необходимости питать и укреплять душу словом Божиим указывал и святитель Тихон Задонский: «И как тело во все дни укрепляется пищею, да не ослабнет: так должно укреплять повседневно душу духовного слова Божия пищею, да не, гладом истаявши ослабеет» [Тихон Задонский, с. 368–369].

характер, где в качестве «общего» посыла выступает суждение, устанавливающее прямую взаимосвязь между обретением человеком высшего знания и непреходящим страданием в его душе. Как правило, данное заключение иллюстрируется изречением ветхозаветного царя и псалмопевца Давида: «...во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл. 1:17–18). Область же «частных» умозаключений репрезентируется мыслью о «сладком» восприятии христианского откровения человеком и его «горьком» пути в неукоснительном следовании этому откровению в собственной жизни [см. подробнее: Комаров].

В свете такого прочтения сцены из «Апокалипсиса» обратимся к риторическим вопросам в Предисловии к роману, которые предваряют содержание его заключительного абзаца и проясняют авторскую максиму в постулировании природы героя:

Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отчего же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали? [Лермонтов, т. 6, с. 203].

Стилистические фигуры речи, обладающие резко выраженной экспрессией, непосредственно ориентированы на активизацию мышления читающей публики, которой предлагается совершить критическое переосмысление ее опыта восприятия художественных произведений. Об этом опыте автор говорит преимущественно в начальной части Предисловия, одновременно рисуя собирательный портрет «публики», характерные черты которой подаются то с сочувственным пониманием («так еще молода и простодушна»), то с нескрываемым раздражением («она просто дурно воспитана»), то с утонченной иронией («похожа на провинциала»). Грамматические значения общеотрицательных синтаксических конструкций («не понимает басни...», «не угадывает шутки, не чувствует иронии...», «еще не знает...») подчеркивают в данном портрете фактически полную неспособность читателя постигать сокровенные смыслы литературных произведений, а следовательно, оставаться в неведении относительно их подлинной «нравственной цели». И такая неспособность публики во многом обусловлена, как это следует из Предисловия, доминирующим положением в читательском кругозоре книг, отличающихся явно выраженной установкой на морализм («наша публика... не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения»), предполагающий в качестве героя или безусловно высоконравственного человека, или «трагических и романтических злодеев». Герои подобного толка, по Лермонтову, не несут в себе «жизненной правды», без которой книги, изображающие их, не побуждая в читателе личностных рефлексивных реакций, обладают лишь свойством «сластей» и, что важно подчеркнуть, формируют у публики соответствующую тенденцию в восприятии

любой другой книги, где сочинитель может быть лишь «исправителем людских пороков». Поэтому автор в Предисловии выступает едва ли не носителем пророческого знания о духовном смысле, заключенном в самом обретении нового писательского слова, принципиально отличного от господствующего в умах современного поколения и определяющего его представления о назначении литературного творения в обществе.

Существенная роль в данном контексте принадлежит авторскому призыву к кардинальному пересмотру читателем его оценочных суждений о романе, в основе которых ничем не мотивированный отказ в признании «реальности» образа главного героя или излишне утилитарное ее толкование («сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых»). На эту «реальность» Лермонтов изначально с некоторой долей осторожности указывал в «Предисловии к "Журналу Печорина"»: «Хотя я переменял все собственные имена, но те, о которых в нем говорится, вероятно себя узнают» [Лермонтов, т. 6, с. 249]. В Предисловии к роману мысль о «жизненной правде» образа Печорина выражена довольно пространно, с предельной настойчивостью и по своему эмоциональному накалу отчетливо выделяется в содержании этой структурной части книги. Заметим, что в своем творчестве Лермонтов уже прибегал к вступительному слову, предваряющему литературное произведение и обращенному к читателю, в котором важное место отводилось авторскому указанию на фактически «натурную» сущность главных действующих лиц.

В предисловии к драме «Странный человек» (1831) писатель указывал: «Лица, изображенные мною, все взяты с природы; и я желал бы, чтобы они были узнаны...» [Там же, т. 5, с. 205]. Безусловно, слова автора нельзя воспринимать исключительно в прямом смысле. Как справедливо подчеркивается в ранних комментариях к юношеской драме Лермонтова, он «не преследовал цели точного воспроизведения фактов своей жизни и жизни своего ближайшего окружения... стремился к художественному обобщению нравов дворянского общества и в то же время хотел показать в этом кругу передового человека» [Там же, с. 730].

Обратим внимание, что в черновой редакции Предисловия к роману автор открыто говорит о своем герое как о типическом образе, с пафосом апеллируя при этом к читателю: «это тип; — вы знаете, что такое тип? я вас поздравляю» [Там же, т. 6, с. 563]. Опуская такое определение своего героя в белой редакции, которое, согласимся, довольно органично для экспрессивной стилистики текста Предисловия, Лермонтов, вероятно, стремился «вывести» образ Печорина из сферы литературных коннотаций, невольно уравнивающих действительность «трагических и романтических злодеев» (ставших для читателя своего рода мерилом подлинной литературы) и действительность «Героя нашего времени».

Вместе с тем, жизненная правдивость образов — и Печорина, и персонажей драмы — важна для автора (а это вполне прозрачно читается в содержании всех предисловий), чтобы не только убедить читателя в реальности их существования, но и вызвать у него эмпатию к своим героям, аутентичную христианской системе ценностей и проявляющуюся в п о к а я н и и («раскаяние, верно, посетит души

тех людей...» [Лермонтов, т. 5, с. 205]), п р о щ е н и и («они найдут оправдания поступкам, в которых до сих пор обвиняли человека...» [Там же, т. 6, с. 249]) и м и л о с е р д и и («отчего же этот характер... не находит у вас пощады?» [Там же, с. 203]).

Однако, если в читателе «Странного человека» Лермонтов видел, в первую очередь, тех, кто стал прототипами действующих лиц драмы, т. е. достаточно ограниченный и хорошо известный автору круг людей, то по отношению к читателю романа подобного свойства избирательности нет. Авторское пояснение к генезису образа Печорина («... портрет, но не одного человека; это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения. В полном их развитии») недвусмысленно ориентирует читателя не просто признать героя романа одним из «своих», входящих в близкий круг общения, но еще и осознать себя частью своего рода «коллективного» Печорина³. Собственно, в этом и заключается назначение лермонтовской книги как «горького лекарства», «прописанного» автором читателю, что восходит к символике «горечи» в апостольском тексте «Откровения». По замыслу автора, чувство живой сопричастности к судьбе героя романа должно стать для читателя той «едкой истиной», которая смогла бы привести его к беспристрастному осознанию иллюзорной «сладости» своего нравственного превосходства над героем, восприятию ценностных смыслов романного времени как единого духовного начала, в котором существует и мир героя, и мир читателя.

В этом отношении показательна смысловая соотнесенность финалов в текстах предисловий к «Журналу Печорина» и ко всему роману, где раннее «не знаю» и позднее «это уж бог знает» непосредственно связаны у автора с оценкой своего героя. Напомним, что Б. Эйхенбаум, видя в ранней лермонтовской фразе «уклончивый ответ» в воображаемом диалоге с читателем и, словно бы стремясь восстановить подлинное содержание авторской мысли, завуалированной отрицательным высказыванием и получившей свое развитие в Предисловии ко второму изданию романа, приходил к такому выводу: «Да, злая ирония, но направленная не на Печорина самого по себе, а и на вас, читатель, и на всю современность» [Эйхенбаум, 1941, с. 65].

Заключение ученого, отличающееся необычной для стиля научного исследования экспансивностью, актуализирует авторские интенции, которые формируют иронический контекст предисловий, отчетливо проявляющийся в эмоционально-ценностном содержании их диалогического дискурса. Однако семантическая корреляция финальных фразовых отрезков, на наш взгляд, репрезентирует в заключительной части Предисловия к роману значения, внешнеположительной иронической модальности. Они, активируя процесс переадресации вопроса читателя о «характере Печорина», требующего от автора не столько

³ Симптоматичен черновой вариант этого фрагмента Предисловия: «Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен — а я вам скажу, что вы все почти таковы; иные немного лучше, многие гораздо хуже» [Лермонтов, т. 6, с. 563].

«разоблачающих» оценок героя, сколько безапелляционного суда над ним, другой инстанции («это уж бог знает»), образуют дискурсивную ситуацию, уравнивающую в своих нравственных правах и героя книги, и ее автора, и ее читателя. Это, в свою очередь, имплицитно в тексте тему высшего и беспристрастного суда, право на который принадлежит только Богу, что и становится одной из «едких истин» для читателя романа, ищущего в нем привычную «сладость» осуждения порока. Названная тема, по справедливому убеждению автора пионерской научной работы о религиозном сознании Лермонтова, определяет содержание одного из ключевых лейтмотивов его программных лирических произведений [см.: Шувалов, с. 145]. На этом основании представляется отнюдь не случайным, что во время работы над Предисловием к «Герою нашего времени» у Лермонтова рождаются стихотворные строки, интимная тональность которых усиливает гнетущую поэта мысль:

Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас Иной
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.

[Лермонтов, т. 2, с. 176]

Попутно заметим, что во втором издании лермонтовского романа Предисловие к книге было размещено перед второй частью, т. е. после «Предисловия к "Журналу Печорина"»⁴, и корреляционная связь финалов этих текстов, подчеркнутая такой последовательностью, проступала довольно явственно. В традиционной издательской практике «Героя нашего времени» эта связь несколько не теряет своих смысловых потенций, хотя, возможно, и становится менее акцентированной. Впрочем, то, что мы, по обыкновению, называем Предисловием к роману, на самом деле таковым является лишь условно, поскольку ни в одном издании лермонтовской книги ее поздний текст, написанный весной 1841 г., не имеет в соответствии с авторской волей никакого заголовка. В белой рукописи изначально присутствующее в качестве заголовка слово «Предисловие» не просто вычеркнуто, а буквально вымарано рукой Лермонтова, что, заметим, не затрудняет его аутентичного прочтения⁵.

По нашему мнению, решение автора в данном случае имеет ту же мотивацию, что и его стоическое нежелание именовать «Героя нашего времени» романом, на которое впервые обратил внимание В. А. Недзвецкий. Усматривая в этом «важное указание читателю», он справедливо считал, что в лермонтовской книге

⁴ По мнению В. Мануйлова, «это произошло потому, что Предисловие было подверстано к книге в последний момент, когда вся книга была набрана, а может быть, и отпечатана» [Мануйлов, с. 17].

⁵ Как известно, В. Набоков в предисловии подготовленного им к изданию «Героя нашего времени» на английском языке назвал лермонтовское Предисловие к роману «искусной мистификацией», оставив без объяснений свое интригующее определение [Набоков, с. 871]. Вместе с тем, факт, что читатель считает Предисловием то, что у Лермонтова дезавуировано нарочитым отсутствием заглавия, вполне может служить одной из объяснительных версий набоковской формулы.

«акцентированы беспрецедентность целостной (выделено автором. — С. П., И. К.) формы (следовательно, и итогового смысла) “сочинения”, в предшествующей литературе... образцов не имевшей» [Недзвецкий, с. 3].

Обобщая наши наблюдения, связанные с «междустрочным» чтением Предисловия к «Герою нашего времени», в добавление к пронизательной мысли Недзвецкого отметим, что ощущение беспрецедентности лермонтовского романа для историко-литературного контекста эпохи возникает в содержании позднего текста книги. В его финале символические значения Священного Писания закрепляют в семантике авторского повествования идею пророческого откровения, что даже опосредованно не соответствовало твердо сложившимся в литературе жанрово-содержательным «параметрам» предисловия к книге, служившего или для «объяснения цели сочинения, или оправданием и ответом на критики». В полном и завершенном виде концептуальное выражение этой идеи предстанет у Лермонтова в стихотворении «Пророк», белой и черновой автографы которого хранит записная книжка, переданная поэту В. Ф. Одоевским в апреле 1841 г. Реминисценции из «Откровения Иоанна Богослова», конституирующие основные смыслы в программном произведении Лермонтова⁶, весомо подчеркивают метатекстовое единство Предисловия к «Герою нашего времени» и «Пророка», позволяя разглядеть в книге поэта черты романа-пророчества, что впоследствии будут развиты в русской литературе Ф. М. Достоевским.

Источники

Бурачок С. О. «Герой нашего времени». М. Лермонтов (Разговор в гостиной) // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб. : РХГИ, 2002. С. 53–65; примеч. С. 973–976.

Дамианиди М. Ф. В минуту жизни трудную... Эссендуки : Изд. дом, 2011.

Иоанн Златоуст. Сборник бесед святого отца нашего Иоанна Златоустого — духовно-нравственного содержания. М. : Тип. В. Готье, 1876.

Комаров С. Сладость и горечь слова Божьего // Встреча с православием. URL: <https://pravoslavie.ru/99455.html> (дата обращения: 04.05.2022).

Лермонтов М. Ю. Сочинения : в 6 т. / ред. Н. Ф. Бельчиков, Б. П. Городецкий, Б. В. Томашевский. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954–1957.

Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. М. : Сов. энциклопедия, 1981.

Набоков В. В. Предисловие к «Герою нашего времени» // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. СПб. : РХГИ, 2002. С. 863–873.

⁶ См.: «Особое внимание обращают на себя завершающие лирическую композицию “Пророка” слова “самолюбивых” старцев, обращенные к детям <...> Чаше всего в этих словах, как и во всем монологе пророка, отмечают простоту и безыскусность разговорных интонаций. Но до сих пор в словах старцев, как нам кажется, не была отмечена одна примечательная реминисценция из Откровения Иоанна Богослова: “Ибо ты говоришь: “я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды”; а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ и слеп и наг”» [Зырянов, с. 46]. В одном из современных научно-популярных изданий «Откровение Иоанна Богослова» названо «любимой книгой Лермонтова», правда, никаких фактических доказательств автор на сей счет не приводит [Дамианиди, с. 46]. Вместе с тем, в пользу глубокого знания последней книги Нового Завета Лермонтовым убедительно свидетельствует исследование О. Н. Виноградовой «Апокалиптические мотивы в поэме М. Ю. Лермонтова “Демон”», в котором обнаруживаются «доказательства несомненной связи мотивов» этого произведения с Откровением Иоанна Богослова [Виноградова].

Тихон Задонский. Учение иже во святых отца нашего Святителя Тихона, новоявленного угодника Божия, всяя России чудотворца. Об истинах православно-христовой веры и церкви изложенное в азбучном порядке и катехизической форме: с присоединением немногих ст. из писаний святых отцев и учителей церкви. СПб.: Тип. Дома призрения малолет. бедных, 1864.

Исследования

Большухин Л., Александрова М. Повесть «Фаталист» в контексте «Журнала Печорина»: событие и его интерпретации // Критика и семиотика. 2011. Вып. 15. С. 102–122.

Бронштейн Н. Доктор Майер // М. Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1948. Кн. II. С. 473–496. (Лит. наследство; т. 45/46).

Виноградова О. Н. Апокалиптические мотивы в поэме М. Ю. Лермонтова «Демон» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 2. С. 236–240. <https://doi.org/10.30853/phil20220027>

Влащенко В. Странности, загадки и тайны героев «Фаталиста» // Нева. 2014. № 10. С. 165–183.

Галиева М. А. «Человек порога» в повести М. Ю. Лермонтова «Княжна Мери»: фольклорный код в поэтике // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2016. № 1(35). С. 183–186.

Герштейн Э. «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. М.: Худож. лит., 1976.

Григорьян К. Н. Лермонтов и его роман «Герой нашего времени». Л.: Наука, 1975.

Дурылин С. Н. «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. М.: Учпедгиз, 1940.

Заславский О. Б. О неопределенности как структурном свойстве «Тамани» // Культура и текст. 2021. № 1(44). С. 67–80. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-1-67-80>

Захаров В. Н. «Смелость изобретения» в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Проблемы исторической поэтики. 2014. № 12. С. 18–33.

Зырянов О. В. Еще раз о лермонтовском «Пророке» (к проблеме кластерного подхода к лирическому интертексту) // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: Динамика художественных систем. 2013. № 1. С. 40–53.

Киселева И. А. Творчество М. Ю. Лермонтова как религиозно-философская система. М.: МГОУ, 2011.

Кривонос В. Ш. Максим Максимыч в «Герое нашего времени» Лермонтова как отец и друг // Новый филологический вестник. 2020. № 1(52). С. 60–70. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00005>

Кроо К. Семантическая модель чтения литературного персонажа и текста в романе Лермонтова «Герой нашего времени» // «Мы почти всегда извиняем то, что понимаем»: сб. науч. тр., посвящ. 200-летию юбилею М. Ю. Лермонтова / [szerk. A. Molnár, I. Pozsgai]. Szombathely: [s. n.], 2014. С. 98–107.

Мануйлов В. А. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: Комментарий. М.; Л.: Просвещение, 1966.

Москвин Г. В. Духовно-смысловые связи повестей романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2000.

Недзвецкий В. А. «Герой нашего времени»: становление жанра и смысла // Известия АН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56, № 4. С. 3–20.

Нестор (Кумыш), игумен. Тайна Лермонтова. СПб.: Библиополис, 2012.

Рассказова Л. В. «Важнее всего в жизни»: позиция князя В. Ф. Одоевского в «религиозных спорах» с М. Ю. Лермонтовым // Лермонтовские чтения — 2018. Изучение творчества М. Ю. Лермонтова в контексте современности: сб. ст. / [ред. совет: О. В. Миллер и др.]. СПб.: Лики России, 2019. С. 14–26.

Савинков С. В., Соколова Е. В. Евангельский код в «Герое нашего времени»: «Бэла» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 2. С. 58–61.

- Сиротин В. И. Лермонтов и христианство. М. : Сказочная дорога, 2014.
- Удодов Б. Т. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М. : Просвещение, 1989.
- Шувалов С. В. Религия Лермонтова // Венок М. Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М. ; Пг. : Изд. т-ва «В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 135–164.
- Эйхенбаум Б. Литературная позиция Лермонтова // М. Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М. : Изд-во АН СССР, 1941. Кн. I. С. 3–82. (Лит. наследство ; т. 43/44).
- Эйхенбаум Б. М. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 125–162.

References

- Bol'shukhin, L., & Aleksandrova, M. (2011). Povest' "Fatalist" v kontekste "Zhurnala Pechorina": sobytie i ego interpretatsii [The *The Fatalist* Story in the Context of *Pechorin's Journal: The Event and Its Interpretation*]. *Kritika i semiotika*, 15, 102–122.
- Bronstein, N. (1948). Doktor Maier [Dr. Mayer]. In P. I. Lebedev-Polyansky et al. (Eds.), *Literaturnoe nasledstvo: M. Yu. Lermontov* [Literary Heritage: M. Yu. Lermontov] (Vol. 45/46 (II), pp. 473–496). Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Durylin, S. N. (1940). "Geroi nashego vremeni" M. Yu. Lermontova [A Hero of Our Time by M. Yu. Lermontov]. Moscow: Uchpedgiz.
- Eichenbaum, B. (1941). Literaturnaia pozitsiia Lermontova [Literary Position of Lermontov]. In P. I. Lebedev-Polyansky et al. (Eds.), *Literaturnoe nasledstvo: M. Yu. Lermontov* [Literary Heritage: M. Yu. Lermontov] (Vol. 43/44 (I), pp. 3–82). Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Eichenbaum, B. M. (1962). Roman M. Yu. Lermontova "Geroi nashego vremeni" [Novel by M. Yu. Lermontov *A Hero of Our Time*]. In M. Yu. Lermontov, *Geroi nashego vremeni* [A Hero of Our Time] (pp. 125–162). Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Galieva, M. A. (2016). "Chelovek poroga" v povesti M. Yu. Lermontova "Kniazhna Meri": fol'klornyi kod v poetike [A Man of the Threshold" in the *Princess Mary* Story by M. Yu. Lermontov: Folklore Code in Poetics]. *Vestnik Krasnoiar'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva*, 1(35), 183–186.
- Gerstein, E. (1976). "Geroi nashego vremeni" M. Yu. Lermontova [A Hero of Our Time by M. Yu. Lermontov]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura.
- Grigor'yan, K. N. (1975). *Lermontov i ego roman "Geroi nashego vremeni"* [Lermontov and His Novel *A Hero of Our Time*]. Leningrad: Nauka.
- Kiseleva, I. A. (2011). *Tvorchestvo M. Yu. Lermontova kak religiozno-filosofskaia sistema* [M. Yu. Lermontov's Creative Work as a Religious and Philosophical System]. Moscow: Moscow State Regional University.
- Krivosos, V. Sh. (2020). Maksim Maksimych v "Geroe nashego vremeni" Lermontova kak otets i drug [Maxim Maksimych in *A Hero of Our Time* by Lermontov as a Father and a Friend]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 1(52), 60–70. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2020-00005>
- Kroo, K. (2014). Semanticheskaiia model' chteniia literaturnogo personazha i teksta v romane Lermontova "Geroi nashego vremeni" [Semantic Model of Reading a Literary Character and Text in Lermontov's Novel *A Hero of Our Time*]. In A. Molnár, & I. Pozsgai (Eds.), "My pochti vseгда izviniiaem to, chto ponimaem": sbornik nauchnykh trudov, posviashchennykh 200-letnemu iubileiu M. Yu. Lermontova ["We Almost Always Excuse What We Understand": A Collection of Scholarly Papers for the 200th Birthday of M. Yu. Lermontov] (pp. 98–107). Szombathely: [s. n.].
- Manuilov, V. A. (1966). *Roman M. Yu. Lermontova "Geroi nashego vremeni": Kommentarii* [A Hero of Our Time Novel by M. Yu. Lermontov: A Commentary]. Moscow; Leningrad: Prosveshchenie.
- Moskvin, G. V. (2000). *Dukhovno-smyslovye sviazi povestei romana M. Yu. Lermontova "Geroi nashego vremeni"* [Spiritual and Semantic Connections of the Stories of *A Hero of Our Time*, a Novel by M. Yu. Lermontov] (doctoral dissertation). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Nedzvetsky, V. A. (1997). "Geroi nashego vremeni": stanovlenie zhanra i smysla [A Hero of Our Time: The Formation of the Genre and Meaning]. *Izvestiia AN. Seriya literatury i iazyka*, 56(4), 3–20.

Nestor (Kumysh), igumen. (2012). *Taina Lermontova* [Lermontov's Mystery]. St Petersburg: Bibliopolis.

Rasskazova, L. V. (2019). "Vazhnee vsego v zhizni": pozitsiia kniazia V. F. Odoevskogo v "religioznykh sporakh" s M Yu. Lermontovym ["The Most Important Thing in Life": The Position of Prince V. F. Odoevsky in "Religious Disputes" with M. Yu. Lermontov]. In O. V. Miller et al. (Eds.), *Lermontovskie chteniia — 2018. Izuchenie tvorchestva M. Yu. Lermontova v kontekste sovremennosti: sbornik statei* [Lermontov Readings — 2018. The Study of the Work of M. Yu. Lermontov in the Context of Modernity. Digest of Articles] (pp. 14–26). St Petersburg: Liki Rossii.

Savinkov, S. V., & Sokolova, E. V. (2016). Evangel'skii kod v "Geroe nashego vremeni": "Bela" [The Gospel Code in A Hero of Our Time: Bela]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Filologiya. Zhurnalistika*, 2, 58–61.

Shuvalov, S. V. (1914). Religiiia Lermontova [Lermontov's Religion]. In *Venok M. Yu. Lermontovu: Iubileinyi sbornik* [M. Yu. Lermontov's Wreath: Birthday Collection] (pp. 135–164). Moscow; Petrograd: Izdatel'stvo tovarishchestva "V. V. Dumnov, nasledniki br. Salaevykh".

Sirotin, V. I. (2014). *Lermontov i khristianstvo* [Lermontov and Christianity]. Moscow: Skazochnaia doroga.

Udodov, B. T. (1989). *Roman M. Yu. Lermontova "Geroi nashego vremeni"* [Novel by M. Yu. Lermontov A Hero of Our Time]. Moscow: Prosveshchenie.

Vinogradova, O. N. (2022). Apokalipticheskie motivy v poeme M. Yu. Lermontova "Demon" [Apocalyptic Motifs in M. Yu. Lermontov's Poem Demon]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 15(2), 236–240. <https://doi.org/10.30853/phil20220027>

Vlshchenko, V. (2014). Strannosti, zagadki i tainy geroev "Fatalista" [Oddities, Riddles, and Secrets of the Characters of The Fatalist]. *Neva*, 10, 165–183.

Zakharov, V. N. (2014). "Smelost' izobreteniiia" v romane M. Yu. Lermontova "Geroi nashego vremeni" ["Boldness of Invention" in Lermontov's A Hero of Our Time]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 12, 18–33.

Zaslavsky, O. B. (2021). O neopredelennosti kak strukturnom svoistve "Tamani" [On Uncertainty as a Structural Property of Taman]. *Kul'tura i tekst*, 1(44), 67–80. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-1-67-80>

Zyryanov, O. V. (2013). Eshche raz o lermontovskom "Proroke" (k probleme klasterного podkhoda k liricheskomu intertekstu) [Once More of Lermontov's The Prophet (on the Cluster Approach to Lyrical Intertext)]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seria: Russkaia klassika: Dinamika khudozhestvennykh sistem*, 1, 40–53.

Пяткин Сергей Николаевич

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
и литературы
Арзамасский филиал Нижегородского
государственного университета
им. Н. И. Лобачевского
607220, Арзамас Нижегородской обл.,
ул. К. Маркса, 36
E-mail: nikolas_pyat@mail.ru

Pyatkin, Sergey Nikolaevich

Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of Russian Language
and Literature
State University of Nizhny Novgorod
(Arzamas Branch)
36, Karl Marx Str., 607220 Arzamas, Russia
Email: nikolas_pyat@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8659-7543>
WoS ResearcherID: AAA-9408-2022

Кудряшов Игорь Васильевич

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
и литературы
Арзамасский филиал Нижегородского
государственного университета
им. Н. И. Лобачевского
607220, Арзамас Нижегородской обл.,
ул. К. Маркса, 36
E-mail: kiv.arz@yandex.ru

Kudryashov, Igor Vasilyevich

PhD (Philology), Professor
Department of Russian Language
and Literature
State University of Nizhny Novgorod
(Arzamas Branch)
36, Karl Marx Str., 607220 Arzamas, Russia
Email: kiv.arz@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7022-3830>
WoS ResearcherID: J-7391-2019